

БЕСТСЕЛЛЕРЫ ДЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Японские дети
слушают старших
и едят рис

Юка ЯМАМОТО

Юка Ямамото
Японские дети слушают старших и едят рис
Серия «Бестселлеры детской психологии»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9746605
Японские дети слушают старших и едят рис / Юка Ямамото: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-0900687-1

Аннотация

Япония – страна контрастов, в которой гармонично сочетаются вековые традиции и модернистические идеи, ставшая одной из ведущих торговых держав за полвека.

Как японские родители умудряются привить уважение к традиционным ценностям и взглядам, а также любознательность к поиску новых форм самовыражения. Японское общество невероятно разнообразно, при этом уважение к старшим привито с молоком матери. Как же японским родителям всегда удается воспитывать умных, не по годам развитых интеллектуально и эмоционально, с примерным поведением «гордость мамы и папы»?

Содержание

Цели и задачи японского воспитания	5
Особенности японского воспитания: мифы и реальность	7
Японские женщины. Семья или работа?	10
Японские термины родства и обращения в семье и вне семьи	12
Почему японки не особо стремятся работать?	18
Групповое воспитание и метод вразумления	20
Общение с маленькими детьми	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Юка Ямамото

Японские дети слушают старших и едят рис

© Юка Ямамото.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Цели и задачи японского воспитания

У образовательно-воспитательной системы в Японии фактически только одна цель – **сделать из ребенка достойного члена японского общества**. Именно на это направлены все усилия семьи и школы, и в большинстве случаев достичь поставленной цели им вполне удается.

В этом сила японской системы воспитания, но в этом же и ее слабость.

Японцы не слишком интересуются сменяющимися друг друга модными европейскими идеями воспитания гармоничной личности, не боятся «ранить нежную детскую психику» или подавить чью-то индивидуальность, не страшатся конкуренции в детском коллективе, но и не поощряют открытое соперничество, а главное – верят в необходимость дисциплины, строгости и контроля за успеваемостью.

Возможно, именно поэтому в Японии уже давно почти сто процентов населения имеют высшее или среднее специальное образование, чем не могут похвастаться ни США, ни европейские страны. Да и легендарная японская вежливость вызывает восхищение во всем мире.

Вроде бы, все прекрасно, система идеальна. Но такой идеальной она кажется, только пока не знаешь о том, что, по статистике министерства здравоохранения, труда и благосостояния, каждый пятый японец имеет проблемы с нервной системой, а каждый пятнадцатый и вовсе страдает от депрессии или нервного расстройства. И это тоже результат все того же знаменитого японского воспитания.

Причем, в этом нет никакого противоречия. Можно даже сказать, что в Японии сразу растят из ребенка вежливого и прекрасно образованного человека с нервным расстройством.

Точнее, не так. Противоречие все-таки есть, но оно кроется вовсе не в результатах воспитания, а в его задачах. Их всего две:

1) Воспитать человека, который умеет слаженно работать в коллективе.

Для жизни в японском обществе, обществе групп, это жизненно необходимо. У дошкольного воспитания эта задача вообще единственная, в детских садах детей учат не писать и считать, а взаимодействовать с другими детьми и правильно себя вести. И это на самом деле жизненно необходимые умения. В Японии человек, который не может вписаться в любой коллектив, не имеет будущего.

2) Воспитать конкурентоспособного человека.

Все просто – чтобы получить хорошую работу, надо иметь престижное образование, а чтобы поступить в хороший вуз, надо закончить школу с максимально высокими баллами, выше, чем у других детей. Поэтому еще с детского сада родители нацеливают детей на то, что им надо хорошо учиться и много работать, чтобы стать лучшими.

* * *

С одной стороны, противоречие очевидно: чтобы стать лучшим, ребенок должен сосредоточиться на собственных успехах, а не на коллективе, он должен выделиться, и к тому же ему приходится конкурировать с другими детьми, что серьезно мешает взаимодействию внутри группы и установлению дружеских отношений. Но очень многие японцы не соглашались с тем, что эти две задачи друг другу противоречат, и справедливо указывают на то, что когда каждый старается быть лучшим, повышается общий уровень всего коллектива в целом. А следовательно (вывод спорный для европейца, но вполне логичный для японца), воспитание конкурентоспособных членов общества ведет к укреплению общества в целом, как некоего главного, большого коллектива.

Несколько запутанно, но все, что касается Японии, вообще нелегко понять с первого раза. И здесь набившая оскомину фраза о разнице менталитетов будет на редкость кстати. Причем, эта разница обусловлена именно японскими особенностями. Глубоко ошибаются те, кто считает, что американцы, немцы или шведы понимают японцев лучше, чем русские. Да что там, даже их ближайшие соседи – китайцы и корейцы – почти так же далеки от них, как и мы.

Почему так сложилось? Нельзя забывать, что история любой страны – это постоянное взаимодействие с многочисленными соседями, обмен знаниями, достижениями, культурой. А Япония больше двух с половиной веков жила в полной изоляции от всего остального мира. Выезд за границу или самовольные контакты с иностранцами карались в то время смертной казнью. И следовательно, никакого культурного обмена фактически не существовало. Более того, этот период совпал с мировой промышленной революцией, временем растущих скоростей, ломающихся устоев и бурных, иногда насильственных перемен.

Вот и получилось, что именно в то время, когда весь мир особенно активно обменивался опытом, Япония изолировалась и шла своим собственным путем. Так что неудивительно, что за эти два с половиной столетия там установились очень своеобразные представления и традиции, многие из которых продолжают действовать по сегодняшний день.

Это в полной мере относится и к традициям обучения и воспитания. Американцы, правда, после поражения Японии во Второй мировой войне, пытались реформировать японскую систему образования, а попросту говоря, сломать ее и заставить всех учиться по американскому образцу. Но это у них не особо получилось. Среднее и высшее образование, правда, удалось сделать похожим на западное, впрочем, тут большую роль сыграла практичность японцев, понимавших, что для увеличения конкурентоспособности надо соответствовать мировым стандартам. Но дошкольное воспитание, прививающее детям базовые ценности, да и вообще воспитание в целом, так и осталось прежним, сложившимся еще в период изоляции.

Особенности японского воспитания: мифы и реальность

Татьяна Тимофеева в своей популярной статье «Японское воспитание» пишет: «Японская мама приходит в парикмахерскую с маленьким сынишкой. Сначала карапуз терпеливо ждет, пока она закончит все процедуры, а потом, не выдержав скучного ожидания, начинает открывать баночки с кремами и рисовать на зеркале замысловатые узоры. Все смотрят на него с улыбкой, и никто не делает замечания: маленькому ребенку можно все...

Период «вседозволенности» у малыша продолжается всего до 5 лет. До этого возраста японцы обращаются с ребенком, «как с королем», с 5 до 15 лет – «как с рабом», а после 15 – «как с равным». Считается, что пятнадцатилетний подросток – это уже взрослый человек, который четко знает свои обязанности и безукоризненно подчиняется правилам. В этом заключается парадокс японского воспитания: из ребенка, которому в детстве разрешали все, вырастает дисциплинированный и законопослушный гражданин. Однако торопиться с перенесением японских методов воспитания в российскую действительность не стоит. Было бы неправильно рассматривать их в отрыве от мировоззрения и образа жизни японцев. Да, маленьким детям в этой стране разрешают все, но в 5–6 лет ребенок попадает в очень жесткую систему правил и ограничений, которые четко предписывают, как надо поступать в той или иной ситуации. Не подчиняться им невозможно, поскольку так делают все, и поступить по-другому – означает «потерять лицо», оказаться вне группы. «Всему свое место» – один из основных принципов японского мировоззрения. И дети усваивают его с самого раннего возраста».

Автор формулирует основные особенности теории японского воспитания. Именно под таким углом сами японцы и стремятся показать миру свои традиции обращения с детьми. Но на практике все, конечно, не так четко и уж тем более не так единообразно.

Японское общество вовсе не такое однородное, как кажется иностранцам. И речь не о том, что у них, как везде, есть миллионеры и нищие. Эти два общественных полюса можно не учитывать, они в любой стране стоят особняком. Но и в среде обычных японцев, образованных, воспитанных, работающих на приличной работе, методы и способы воспитания довольно сильно различаются. Причем часто даже не из-за взглядов родителей, а по внешним причинам, вынуждающим их жить не так, как они хотят, а как требуют обстоятельства.

Даже знаменитая японская вседозволенность в дошкольном возрасте практикуется далеко не везде и не всегда. Причем есть родители, которые воспитывают детей в меру строго, а есть и те, которые уже в садик отправляют не ребенка, а маленького взрослого, соблюдающего все правила японского хорошего тона. Это, вроде бы, нарушение традиций, но делается оно из благих побуждений, ради того, чтобы ребенок имел преимущество перед остальными детьми в группе, а значит был более конкурентоспособен.

Что касается самой вседозволенности до пятилетнего возраста, которая вызывает восхищение у многих поклонников японской системы воспитания (правда, в основном у бездетных), то она при ближайшем рассмотрении тоже выглядит достаточно своеобразно. Иностранцы, оказавшись в тех местах, где бывает много маленьких детей, обычно приходят в ужас. Семейное кафе по-японски – это некий бедлам, где малыши бегают, орут, хватают чужие вещи, утаскивают со столов чужую еду, топают, кричат друг на друга и на взрослых, а их родители в это время сидят с отстраненным видом, словно ничего не происходит.

Но главное, так сидят не только родители, но и все окружающие. По правилам хорошего тона никто не должен ни взглядом, ни жестом показать, что ребенок ведет себя как-

то не так. Максимум у него могут мягко отобрать колющие и режущие предметы, которыми он может пораниться. В остальном – полная свобода. Ребенок может орать, валяясь на полу, купаться в грязной луже и чуть ли не пить из нее – никто на него даже не оглянется. Но это в идеале, конечно. На самом деле все-таки исключения бывают везде, даже в Японии.

София Малиновская, прожившая в «стране восходящего солнца» семь лет, пишет: «Японское общество отказывается от одной из важных функций – общественного порицания, чтобы не одна мама была занудой-воспитателем, и чтобы посторонние тоже иногда сказали: «Фу, зачем ты лижешь асфальт!», – или – «Не кидайся песком! Мне в глаз попало и больно!». И ребенок бы заподозрил, что мнение относительно ситуации если не объективно, то сильно распространено в этом мире. Но нет, здесь все вежливо самоустраивается. Так легче.

В семье тоже – когда в России ребенок до пяти лет делает нечто, заслуживающее осуждения, пресечения и, может быть, наказания (да-да, мне кажется, и такое бывает), он встречает понятные своей кирпичностью морды родителей и их строгие возгласы. Из этого он может заключить, что так делать не надо.

В Японии в критической ситуации он встречает какое-то мягкое неясное мяуканье и смех – добрым голосом: «Ой, что ты сделал! Что же ты делаешь! Хи-хи-хи, о, ты хотел сделать аппликацию, молодец, и вырезал цветочки из диванчика, круто! Ничего себе, такой маленький (только до пяти лет), а уже так хорошо вырезает! Но не надо было... Ну да ладно.».

Потом родители или законные опекуны будут причитать себе под нос, прятать ножницы и говорить, что они опасны. Здесь в чести опасность. Как-то мне после двадцати лет на полном серьезе ровесник говорил, что нож опасен, и что есть йогурт, просроченный на один день – опасно.

Конечно, везде бывают исключения, и, наверное, вы тоже знаете японку, которая на ребенка и орала, и всячески рукоприкладствовала. Но это исключение».

Что это – дань традиции или воспитанное многими поколениями умение отстраниться от происходящего? Максим Крылов, стипендиат Министерства образования, культуры, спорта и туризма Японии, студент факультета права Университета Хито-цубаси (Токио), международный обозреватель портала Slon.ru, по этому поводу пишет: «Иностранцу не положено знать про татэмаэ, труднопереводимое понятие, объясняющее половину всех японских культурных парадоксов. Татэмаэ – это что-то вроде фасада или витрины. Расписная ширма дзубебу, с горой Фудзи в нежных лучах восходящего солнца, за которой может твориться какое угодно непотребство. В России с непотребством борется Государственная дума, а в Японии его просто прикрывают ширмой и просят не шуметь в процессе».

Многие наши соотечественники, пожившие в стране восходящего солнца несколько лет, считают, что в том, что касается взгляда на поведение чужих детей, русские и японцы находятся как бы на двух противоположных полюсах. У нас чуть ли не любой считает своим долгом сделать маленькому хулигану замечание и поучить его маму, как надо воспитывать ребенка, а в Японии положено не вмешиваться вообще.

Иностранцев шокирует, когда японские дети не здороваются, не знают слов «спасибо» и «пожалуйста», что особенно странно смотрится на фоне идеальной вежливости взрослых японцев, могут без спроса ввалиться в чужой дом и вести себя там, как хотят и т. д. Японец на все это смотрит равнодушным взглядом, словно не видит ни ребенка, ни того, что тот творит. Можно сказать, что обратной стороной абсолютной свободы маленьких детей стало то, что они существуют как бы вне общества и его правил. Подобная традиция во многих случаях приводит к тому, что родители вообще самоустраиваются от какого-либо участия в воспитании собственных детей, оставляя это детскому саду и школе. «Во многих семьях детей до пяти лет почти не учат говорить «спасибо» и «пожалуйста», воспринимать членов семьи

как людей и отвечать за свои действия, – рассказывает София Малиновская. – Этому, надеются японцы, детей научат потом, где-то в коллективе, когда дети выучатся читать правила».

Японские женщины. Семья или работа?

Если для японских отцов самоустранение от воспитания ребенка в некоторой степени даже естественно, поскольку они, по сложившейся вековой традиции, и не должны заниматься детьми, то с матерями ситуация несколько сложнее.

* * *

Раньше семейные роли были четко дифференцированы: муж – добытчик, жена – хранительница очага. Мужчина считался главой семьи, и все домашние должны были беспрекословно ему подчиняться. Но времена меняются. В последнее время сказывается влияние западной культуры, и японские женщины все больше пытаются совмещать работу и семейные обязанности. Однако до равноправия с мужчинами им еще далеко.

Их основным занятием по-прежнему остается дом и воспитание детей, а жизнь мужчины поглощена фирмой, в которой он работает. Такое разделение ролей находит отражение даже в этимологии. Широкоупотребительным словом по отношению к жене является существительное канай, которое буквально переводится «внутри дома». А к мужчине принято обращаться сюдзин – «главный человек», «хозяин»...

Воспитанием ребенка занимается мама... В Японии редко увидишь плачущего кроху. Мать старается сделать так, чтобы у него не было для этого повода. Первый год ребенок как бы остается частью тела матери, которая целыми днями носит его привязанным за спиной, ночью кладет спать рядом с собой и дает грудь в любой момент, когда он захочет. Японская промышленность даже выпускает специальные куртки со вставкой на молнии, которая позволяет носить спереди ребенка. Когда малыш подрастет, вставка отстегивается, и куртка превращается в обычную одежду. Ребенку ничего не запрещают, от взрослых он слышит только предостережения: «опасно», «грязно», «плохо». Но если он все-таки ушибся или обжегся, мать считает виноватой себя и просит у него прощения за то, что не уберегла. Когда дети начинают ходить, их тоже практически не оставляют без присмотра. Мамы продолжают следовать за своими карапузами буквально по пятам.

Татьяна Тимофеева, «Японское воспитание»

* * *

Япония – страна очень патриархальная. Для нее, как для большинства стран, совершивших резкий скачок от глубокого средневековья сразу к развитому капитализму, характерен серьезный диссонанс между крепко укоренившимися традициями и требованиями современных реалий. Иностранцу трудно это представить, но японская женщина, со всех сторон окруженная самыми передовыми гаджетами, и сейчас очень часто находится в рабстве у средневековых традиций.

Конечно, слово «рабство» не надо понимать буквально, формально в Японии полное равноправие, а кроме того работает множество социальных программ и тому подобного. Но теория и практика очень сильно отличаются.

Чтобы было проще, можно вспомнить наши собственные реалии, особенно первой половины XX века. Тогда, после революции, советские женщины по закону тоже стали абсолютно равноправными с мужчинами. На практике же это вылилось в то, что женщины стали работать наравне с мужчинами, но прежние обязанности: готовка, воспитание детей и прочие домашние дела – никуда не делись и по-прежнему остались их заботой. Кроме того, госу-

дарство требовало, чтобы все женщины и работали, и рожали, и как-то заботились о детях при почти полном отсутствии даже яслей, не говоря уж о детских садах (декретные отпуска появились гораздо позже).

Парадокс, но в начале третьего тысячелетия в передовой Японии сложилась очень похожая ситуация. Разумеется, в отличие от советских женщин, японок никто не заставляет работать, они имеют полное право быть домохозяйками, да и материальный уровень жизни у них совсем другой. Но тем не менее сходства куда больше, чем кажется на первый взгляд.

Прежде всего, надо понимать, что в японском обществе женщина не равна мужчине. И в отличие от европейцев и американцев японцы даже не пытаются делать вид, будто это не так. «Мама и бабушка в Японии – просто прислуга, папа и дедушка – немного другая прислуга... – пишет Малиновская об отношениях в японской семье. – Женщины работают... не привлекая помощь детей и мужчин. «Ничего-ничего, я сама», – это типичный ответ японской женщины на вопрос о помощи. В тяжелых случаях у женщины будет репутация подмочена, если посуду помоем кто-то другой. Японская мама сама всем даст попить и поесть, уберет и подотрет, «спасибу» и «пожалуйста» не обучит, все сама разложит. Это ее миссия».

Такое отношение к женщине как к некой функции интересно отразилось в бытовой традиции называть замужнюю женщину, особенно уже родившую ребенка, не по имени и даже не по фамилии, а «мать». Как в средневековье, когда даже образованные и знатные писательницы подписывались не собственным именем, а «мать такого-то». Нам трудно представить себе диалог двух встретившихся на улице подруг: «Здравствуй, мама Сережи, как поживаешь?» – «Добрый день, мама Леночки, спасибо, хорошо». А для Японии это совершенно нормально.

Впрочем, можно вспомнить, что и у нас до сих пор иногда бывает, что в семьях муж жену называет «мать», а она его «отец». Одна моя родственница рассказывала, что муж когда-то хотел назвать их ныне уже взрослую дочь в честь нее, но она сама была резко против, потому что это обязательно привело бы к тому, что дочь он бы называл по имени, а ее просто «мать».

Но у нас это все-таки характерно для деревни и для старшего поколения, даже современным людям средних лет это уже в основном кажется странным. В Японии же такое обращение к жене настолько повсеместное, что недавно одна косметическая компания выпустила рекламно-социальный ролик на эту тему. Для этого они попросили нескольких молодых мужей, недавно ставших отцами, обратиться к женам не «мать», а по имени, и засняли реакцию на такое обращение. Результат превзошел все ожидания – женщины изумлялись, улыбались и даже плакали, услышав свои имена, которыми их мужья в последний раз называли, наверное, во время медового месяца. Но достаточно, в общем-то, просто посмотреть на их сияющие лица, чтобы понять – не все так уж благополучно с японскими семейными традициями.

Японские термины родства и обращения в семье и вне семьи

В Японии... обращения между членами семьи чаще всего несимметричны, правила обычно стандартны, старших и младших братьев (сестер) именуют по-разному, а в семье и вне семьи используют разные слова... В Японии обращение к взрослому мужчине по имени возможно лишь внутри семьи.

В японской семье нет равных лиц по отношению к говорящему, иерархический признак может принимать лишь два значения: «высший» и «низший». Главный признак для установления внутрисемейной иерархии – признак возраста. Высшие по определению – любые старшие члены семьи, включая старших братьев и сестер (даже среди близнецов один считается старшим, другой – младшим). Эта черта обычно перевешивает признак пола: мать оказывается высшей по отношению к сыну, а старшая сестра – по отношению к младшему брату. Возраст важнее и образования? и социального положения: отец или старший брат остается высшим, хотя он может по этим параметрам отстать от сына или младшего брата. Исключение составляют отношения мужа и жены: они будут одними и теми же (традиционно муж – высший) независимо от того, кто из них старше. Точнее, следует говорить не о возрасте, а о поколении: дядя будет высшим по отношению к племяннику, хотя он может быть и моложе его. Но в европейских культурах не только мужа и жену, но и братьев и сестер относят к одному поколению, в Японии это не так.

Общее правило употребления имен родства, вроде русских «отец», «сын», «брат» в семье у японцев сводится к следующему: в любой ситуации они используются только по отношению к старшему члену семьи. Отца именуют *otoosan*, мать – *okaasan*, старшего брата – *niisan*, старшую сестру – *neesan*, дядю – *ojisan*, тетку – *obasan*, деда – *ojiisan*, бабушку – *obaasan*. Все эти слова могут быть и обращениями, и именованиями в предложениях. Они могут употребляться и по отношению к соответствующим родственникам жены или мужа. Хага Ясуси считает важной чертой японской языковой картины мира отсутствие слов, по своей внутренней форме соответствующих английским словам вроде *brother-in-law* «шурин, деверь», буквально «брат по закону». В этом, по его мнению, проявляется то же различие культур, что и в том факте, что в Японии на душу населения в 40 раз меньше юристов, чем в США. Такие идеи вряд ли можно доказать или опровергнуть. Впрочем, по-японски, скажем, приемная дочь – *giri no musume* (*giri* – «моральный долг», *musume* – «дочь»).

Высших членов семьи не называют по именам или (исключая мужа) личными местоимениями. Вообще местоимения 2#го лица в японском языке не слишком вежливы. Впрочем, сравнительно более вежливое из них *anata* употребительно и в отношении мужа (в иных случаях оно в семье не употребляется). То, что у нас называется обращением в 3#м лице, в Японии широко применяется (имена родства, названия должностей, фамилии и имена), но не в смысле употребления местоимений 3#го лица. Эти местоимения употребляются ограниченно (их иногда рассматривают как кальки с западных языков), а в семье не употребляются совсем.

Высшие члены семьи обращаются к низшим по именам или с помощью личных местоимений 2#го лица, но не имен родства. Таких местоимений несколько, и они имеют различия у мужчин и женщин. В мужской речи их прежде всего два: *kimī* и *otae*. Первое из них чисто мужское, фамильярное и указывает на небольшую разницу в статусе между говорящим и именуемым лицом; оно употребляется и вне семьи, а в семье чаще к младшим братьям и сестрам. Местоимение *otae* наименее вежливо и указывает на большую разницу в статусе. Оно чаще всего употребляется мужчинами по отношению к низшим членам семьи,

будучи не всегда уместно вне семьи. Например, в романе Исигава Тацудзо *Doro ni mamirete* («Испачканная грязью») муж героини называл ее *kimī*, пока она была его невестой, но после свадьбы перешел на *otae*. В отличие от *kimī* это местоимение не считается чисто мужским, но его употребление женщинами крайне ограничено. Известная лингвистка Дзюгаку Акико размышляет о том, где бы она могла употребить местоимение «не ее мира» *otae*, и приходит к выводу, что единственная для нее возможность – обращение к собаке. Она же отмечает, что его использование по отношению к жене в наши дни уже вызывает недовольство многих женщин. Наиболее частое женское местоимение 2#го лица в семье – *anta*, обычно связанное с небольшой разницей в статусе говорящего и собеседника. Так старшая сестра может называть младшую, но матери чаще не употребляют личные местоимения внутри семьи, предпочитая называть детей по имени. Надо сказать и об именовании членов семьи тогда, когда они не являются собеседниками (в том числе в их отсутствии). Здесь также по отношению к высшим используются те же самые имена родства, а по отношению к низшим – имена, но, как правило, не местоимения 3#го лица. Следовательно, слова со значением «сын» или «младшая сестра» в японском языке употребляются только по отношению к людям, находящимся вне данной семьи. Особая ситуация – речь о жене и муже. Муж чаще всего обратится к жене по имени, но, говоря о ней, назовет ее особым именем родства: *kanai*, *tsuma* и др. Жена же называет мужа *shujin*, буквально «хозяин», хотя это слово в наши дни не принимается некоторыми женщинами, или *danna* «барин» (редкий пример санскритизма, сейчас устаревает). При непосредственном общении супругов все эти слова не употребляются.

Если же в разговорах с членами семьи нужно назвать себя, то правила переворачиваются, а слова в итоге оказываются теми же самыми. Отец в разговоре с сыном может назвать себя *otoosan*, старшая сестра в разговоре с младшей – *neesan* и т. д. Местоимения 1#го лица по отношению к низшим тоже возможны. Муж в разговоре с женой может называть себя только мужским местоимением, чаще всего это невежливое местоимение 1#го лица *ore*, хотя нейтральное мужское местоимение *boku* также возможно.

Низшие члены семьи в разговоре с высшими называют себя личными местоимениями или личными именами. И здесь возможно нейтральное мужское местоимение *boku*, его женской параллелью будет *watashi* (наиболее вежливое местоимение *watakushi*, употребляемое мужчинами и женщинами, в семье не используется). Последнее местоимение иногда употребляют и мужчины, тогда как женщины не должны говорить *boku*. Существует и женское местоимение 1#го лица *atashi*, используемое при небольшой разнице статуса между собеседниками. Например, обе сестры могут так называть себя в разговоре друг с другом, однако все равно, если одной надо назвать другую, младшая употребит имя родства, а старшая так поступить не может.

Имена младших членов семьи активно употребляются во внутрисемейном общении, но вне семьи по именам не называют; исключение – дети, где правила другие, да иногда пожилой человек может так называть молодую девушку, как бы уподобляя ее ребенку. А имена старших членов семьи в семье не употребляются. Мидзутани Осаму указывает, что очень многие японцы не знают имена своих дядей, теток, бабушек и др... И не употребительна в семье фамилия (в Японии до сих пор женщины, вступая в брак, обычно меняют фамилию).

Зато в общении вне семьи человека (кроме случая, когда фамилия неизвестна) большей частью называют по фамилии в сопровождении особого суффикса *sama*, *san* или *kun* (перечислены по убыванию вежливости). Другой способ – назвать его по должности. При обращении к своему начальнику отдела (*kachoo*) в фирме, если его фамилия Ямамото, допустимы три варианта: *Yamamoto-san*, *kachoo* и (реже) *kachoo-san*, но ни в каком случае не местоимение 2#го лица, поскольку местоимения по отношению к высшему будут недостаточно

вежливы. В связи с этим высказывается мнение о том, что в японском языке человек, прежде всего, именуется по его функции: должности, рангу, положению в семье и т. д., но не как отдельная личность. И именование может меняться: если братья работают вместе, то низший по положению из них называет на работе брата (но не дома!) по должности, а не по имени родства.

А имена родства вне семьи оказываются иными, чем в семье, причем отличия могут быть двух типов. О высших членах своей семьи вне семейного общения приятно говорить, используя другие слова: отец будет *chichi*, мать – *haha*, старший брат – *ani*, старшая сестра – *ane*. Другое различие заключается в том, что в ряде случаев чужих родственников называют иначе, чем своих: более вежливо. Например, чужую жену (в том числе жену собеседника) нельзя назвать *kanai* или *tsuma*, надо сказать *okusan* (*oku* – «внутренняя часть дома», то есть слова *kanai*, буквально «в доме», и *okusan* похожи по семантике, но уровень этикетной вежливости иной). А как быть, если надо назвать чьего-то отца? Оказывается, что здесь нужно то же самое слово *otoosan*, которым называют своего отца внутри семьи; аналогичная ситуация и со всеми другими старшими родственниками. Странно и нелогично? Нет, надо учитывать, что, например, слово *otoosan* вежливо, а слово *chichi* – нет. Внутри семьи все – «свои», и на первый план выступает семейная иерархия. Вне семьи выражать вежливость к собственному родственнику нельзя: вступает в силу отношение «свой – чужой», и мы тем самым проявляем невежливость к тому «чужому», с кем говорим. Но употребить вежливое слово к родственнику «чужого» вполне естественно. Впрочем, такому объяснению противоречит возможность сказать *otoosan* и пр. о себе: уважаемым лицом может быть кто угодно, но только не сам говорящий.

Еще специальное слово для именования вне семьи – *sensei*, буквально «прежде рожденный» (и в качестве обращения, и в качестве обозначения в предложении). Оно настолько стало известным, что даже вошло в русский язык, правда, в суженном значении: у нас сэнсэем обычно называют лишь тренера по дальневосточным (необязательно даже японским) единоборствам. Но в японском языке так именуют любого образованного человека, обычно старше и образованнее, чем говорящий (часто учителей, преподавателей, врачей, но не только их)...

Особые трудности появляются при обращении к незнакомому человеку. В таком случае нередко выход из положения – использование имен родства для «чужих». Скажем, незнакомую женщину средних лет можно назвать, как и чью-то жену, *okusan* (в традиционном японском представлении всякая такая женщина замужем); и в русском языке незнакомому мужчине можно назвать дядей, только это еще более невежливо, чем в японском языке. Молодых женщин старшие по возрасту знакомые могут называть и по именам. Одна домашняя хозяйка в письме в журнал жаловалась, что потеряла имя и стала для окружающих только *okusan*, а другая, наоборот, радовалась тому, что хотя она замужем, ее еще именуют по имени. Но в современной Японии все такие обращения уже не всегда достаточно вежливы, как и обращения с помощью местоимений 2-го лица. Нередко при необходимости начать диалог с незнакомым человеком лучше вообще не пользоваться никакими специальными обращениями, начиная общение словами, не обозначающими собеседника, но устанавливающими с ним контакт: *ano* «послушайте», *sumimasen* «извините» и др. В таком случае между говорящим и слушающим сразу устанавливается некоторая дистанция, отсутствующая при использовании имен родства.

В. М. Алпатов, «Япония: язык и культура»

* * *

Женщины послушно живут так, как им предписывают правила, и как их воспитали в детстве (девочек и мальчиков изначально воспитывают несколько по-разному, но об этом позже). Но это не значит, что им нравится такое положение дел. Однако при этом делать карьеру японки тоже не особо стремятся. Так в Японии по статистике работает только 63 % женщин, и это при том, что японские женщины в целом образованы лучше, чем мужчины: 59 % японок в возрасте от 25 до 34 лет имеют высшее образование, тогда как у представителей сильного пола этот показатель только 52 %. И вот тут, чтобы понять этот парадокс, надо немного углубиться в ситуацию на японском рынке труда.

В 2001 году Всеволод Овчинников писал: «Три десятилетия назад средняя зарплата женщин в Японии едва достигала половины мужской. Таким это соотношение поныне остается в частном секторе, где заняты три четверти рабочей силы – 28 миллионов мужчин и 17 миллионов женщин. И лишь благодаря государственному сектору, где принцип равного вознаграждения за равный труд соблюдается более последовательно, средняя зарплата женщин в стране достигла к рубежу веков шестидесяти процентов мужской. Прогресс, прямо скажем, не ахти какой. Именно в условиях послевоенного экономического бума 50#х – 80#х годов нанимателям удалось использовать в своекорыстных целях специфику трудовых отношений в Стране восходящего солнца, дабы лишить женщин надбавок за стаж, возможностей продвижения по службе, привязать их к самым низким ставкам оплаты труда».

Хотелось бы сказать, что за прошедшие с тех пор полтора десятка лет ситуация в корне изменилась, но нет. По данным ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития) за 2010 год, разница в зарплатах между мужчинами и женщинами в Японии составляет 29 %. Это второй показатель в мире, обходят японцев в этом отношении только южнокорейцы: там мужчины получают на 39 % больше чем женщины. Между тем средний показатель для развитых стран – всего около 15 %. На противоположном конце шкалы, как это ни удивительно, находится Испания, где представители сильного пола зарабатывают всего на 6 % больше своих матерей, супруг и дочерей. Неожиданно, конечно, но речь не о них, а о японцах.

Конечно, этим данным уже больше четырех лет, но с тех пор, как легко догадаться, почти ничего не изменилось. И неудивительно, ведь Япония и Южная Корея лидируют в вопросе неравенства зарплат все годы, что ОЭСР ведет свою статистику. Причем, на начальном этапе, при приеме на работу, японским девушкам предлагают зарплату всего на 15 % меньше, чем юношам, что вполне укладывается в средний результат по развитым странам. Но сорокалетние мужчины зарабатывают уже на 40 % больше своих сверстниц. Ну а достичь высших постов в компаниях для женщин в Японии практически нереально, в советах директоров крупнейших корпораций они занимают только около 5 % мест. Мало женщин и в мелком и среднем бизнесе – предпринимателями в Японии являются 3,5 % мужчин и только 1 % женщин.

«Но и это цветочки, ягодки будут дальше, – пишет Максим Крылов, анализируя японские реалии. – Представьте на минуту, что вы японская женщина. Вот получили вы свою маленькую зарплату, забыли навсегда про мечту посидеть в совете директоров, пришли домой и... сели к телевизору? Как бы не так! Вас ждут в среднем 299 минут (почти 5 часов) неоплачиваемой работы по дому. А потом домой придет ваш муж, который этой самой работой по дому интересуется меньше всех своих братьев по ОЭСР: средний японец забивает гвоздь и меняет лампочку только 62 минуты в день. Было бы, конечно, еще хуже, если бы вашим мужем был индус: он забивает гвозди лишь 52 минуты в день, но он и в ОЭСР не входит, какой с него спрос?»

Кстати, японский муж дома будет поздно, а по пятницам – очень поздно и очень пьяный, так что лампочка ему будет до лампочки. Многие японские женщины своих супругов называют «воскресными друзьями»: вот в воскресенье он и собаке подгузник поменяет, и ребенка выбросит, и мусор выгуляет. Раз пять подряд, чтобы в статистику уложиться».

Любопытная вырисовывается картина, не так ли? К тому же в Японии еще и очень своеобразная налоговая политика, видимо в силу тех же исторических традиций направленная на поддержку семей, где работает только один из супругов. Пока жена сидит дома, им положены налоговые льготы, а стоит только ей выйти на работу, как налоги резко возрастают.

И ясно, что для большинства японок игра просто не стоит свеч – с одной стороны высокие налоги, напряженная работа, сомнительные карьерные перспективы, никуда не девшиеся домашние дела и заброшенные дети, а с другой – небольшая (благодаря налоговой политике) потеря в деньгах, но возможность сидеть дома, заниматься детьми и пользоваться уважением за соблюдение традиций. Как пишет Татьяна Тимофеева: «В Японии есть и ясли, но воспитание в них маленького ребенка не приветствуется. По всеобщему убеждению, за детьми должна ухаживать мать. Если женщина отдает ребенка в ясли, а сама идет работать, то ее поведение часто рассматривается как эгоистическое. О таких женщинах говорят, что они недостаточно преданы семье и ставят на первое место свои личные интересы. А в японской морали общественное всегда превалирует над личным». Ну и учитывая, что материальный уровень в Японии высокий, и мужчина в принципе может и один содержать семью, удивительным кажется не то, что там 37 % женщин предпочитают быть домохозяйками, а то, что 63 % все-таки работают.

Впрочем, ситуация постепенно все-таки меняется, и инициатором изменений стало само государство, что вполне естественно – в стране с такой приверженностью традициям естественные перемены будут происходить очень медленно, их нужно все время подталкивать.

Трудно, конечно, в это поверить, но японская экономика довольно давно находится в глубоком кризисе. Просто это такой вот кризис по-японски, который для нас выглядит скорее богатством и стабильностью. Но жителям страны, чья экономика еще несколько десятилетий назад была не только одной из самых сильных, но и самой быстро развивающейся в мире, нынешняя ситуация кажется настоящей трагедией. Бывшая японская колония, Южная Корея, обгоняет их по всем статьям, и в то время как японские высокотехнологические корпорации терпят убытки, корейцы захватывают все новые рынки. Старый привычный враг, Китай, развивается со страшной скоростью и наращивает темпы роста ВВП с каждым годом, тогда как японская экономика давно уже в стагнации.

И ладно бы это чем-то компенсировалось, например ростом населения. Но и этого нет – как раз в этом Япония пошла по стопам других развитых стран, и если верить статистическим прогнозам, к 2050 году там будут жить меньше 100 миллионов человек. Особенно печально эта цифра смотрится, если ее сравнить с двумя миллиардами, к которым движется соседний Китай.

Такой вялотекущий кризис привел к тому, что в Японии все-таки вспомнили, что у них есть еще довольно большой незадействованный ресурс – неработающие женщины. Причем, здесь можно провести и исторические параллели. Когда-то, в эпоху Революции Мэйдзи, когда в 1868 году императоры свергли сегунов, вернули себе власть и начали реформы, именно женский труд помог в кратчайшие сроки превратить Японию из отсталого феодального государства в мирового промышленного лидера. Когда на фабрики стали принимать всех без разбора, лишь бы работали, основную часть рабочих там стали составлять бывшие крестьянки, пришедшие из деревни в поисках заработка. Тяжелый труд им был не в новинку, к послушанию они были привычны, и поэтому стали идеальными неквалифицированными рабочими для развивающейся японской промышленности. К тому же, женщины не стре-

мились делать карьеру, все, что им было нужно, это заработать себе на приданое и выйти замуж. А когда начались проблемы с рабочей силой, правительство стало поощрять к работе и замужних женщин – невероятно, но факт, первые детские сады в Японии появились уже в 1876 году.

Правда, это вовсе не означает, что там нет проблем с дошкольным воспитанием – за полтора столетия так и не удалось обеспечить детскими садами всех детей, поэтому, как отмечают люди, вплотную сталкивавшиеся с проблемой устройства ребенка в японский садик, «в «хоикуэны» и «етиэны» (ясли, детские сады) стоят огромные очереди. Ситуации порой доходят до абсурда в учреждениях дошкольного воспитания с рангом или репутацией повыше, чаще всего в частных, в крупных городах – там могут «отфутболить» ребенка по той причине, что до него уже было набрано определенное количество детей с тем же именем. (Стараются сделать так, чтобы в одной группе не было детей с одним и тем же именем.) Люди шутят, что надо вставать в очередь чуть ли не при наступлении беременности». Впрочем, японские детские сады – это отдельный разговор, о них речь пойдет в одной из следующих глав.

Второй раз о женской рабочей силе японские власти вспомнили после второй мировой войны. «Секретным оружием» электротехнических концернов, благодаря которым Япония прославилась как «царство транзисторов», совершила в 60#х годах первый успешный прорыв на мировые рынки, стали девичьи руки, – пишет Овчинников. – Обычай работать лишь до замужества, в сочетании с японской системой платить при найме крайне низкую ставку и увеличивать ее со стажем, делали девичьи руки наиболее прибыльными для нанимателей. К тому же молодую крестьянку было легко уговорить даже эти деньги почти целиком оставлять в кассе предприятия, взамен за место в общежитии и питание в заводской столовой. Достаточно подписать такой контракт, и через 5–7 лет ей была гарантирована необходимая для приданого сумма... Когда же, вырастив до школьного возраста детей, они снова приходили работать на предприятия и в учреждения, их брали лишь как «временных» или «внештатных» сотрудниц, с очевидной целью – привязать женщин к низкому заработку, не дать им возможности сделать служебную карьеру».

Почему японки не особо стремятся работать?

Объяснение первое, антропологам понравится, – конфуцианская мораль в духе: «У каждого должно быть свое место». Показательно, что именно Япония и Южная Корея, страны с сильной конфуцианской традицией, отличились в этом зачете. Старые привычки практически неубиваемы: даже Северная Корея выделялась на фоне соцлагеря тем, что ее эмансипация женщин и прочая Роза Люксембург обошли стороной...

Объяснение второе, понравится экономистам: особенности японского рынка труда. В Японии по-прежнему живет и здравствует система пожизненного найма. Японский работодатель принимает выпускника университета на работу в качестве бесполезного балласта, сам находит ему применение, обучает его всему, что знает сам. Кстати, уволить работника на бессрочном трудовом контракте в Японии чуть сложнее, чем взобраться на гору Фудзи верхом на улитке в зимнюю вьюгу. Подобные инвестиции в персонал и связанные с этим риски требуют одного: безграничной лояльности персонала. Ведь если через пару лет обученный балласт начнет слишком много о себе воображать и найдет новую работу, все усилия пойдут прахом. Поэтому на перебежчиков в Японии смотрят очень косо: потеря работы или смена места работы – это социальное и экономическое самоубийство.

И вот женщины в эту схему ну никак не вписываются, потому что они имеют свойство выходить замуж и рожать детей. Плохо тут и первое и второе. Выйдя замуж, японка может решить, что поработала достаточно и теперь можно пожить за счет супруга, благо он и зарабатывает на 29 % больше минус заначка. А беременность – это временная потеря трудоспособности, а за ней воспитание ребенка, и эти дыры надо чем-то затыкать. Получается замкнутый круг: работодатель исходит из того, что женщина однажды с работы уйдет, и потому не ставит ее на ответственные должности, не прилагает усилий к ее профессиональному росту и платит ей по минимуму. Женщина, видя это, охотно уходит с работы при первой же возможности.

И, наконец, объяснение третье, понравится социологам: парадоксально, но в Японии плохо развита инфраструктура воспитания детей. Из всех крупных японских городов только Иокогама избавилась от очередей в детские сады. И только потому, что мэр Иокогамы Фумико Хаяси (женщина, разумеется) четыре года назад решила, что больше это безобразие терпеть нельзя, и включила административный форсаж. На 2013 год на очереди в детские сады в Японии стояли примерно 25 тысяч детей. Цифра на первый взгляд небольшая, но тут надо учитывать два обстоятельства. Во-первых, в силу указанных выше причин значительная часть японок после декрета на работу не возвращается и воспитывает детей самостоятельно. Во-вторых, очередь движется так медленно, что вставать в нее надо еще до зачатия, авось годам к семи примут в ясли. Так что не все в нее встанут. А Иокогама не резиновая.

Максим Крылов, «Раздвоение японки. Родина хочет, чтобы она больше работала и больше рожала»

* * *

Неудивительно, что в силу всех перечисленных причин, японки, делающие карьеру, все чаще предпочитают оставаться одиночками. Это позволяет им стать в глазах работодателей как бы аналогом мужчины: если у женщины нет ни мужа, ни детей, она никуда не уйдет, и ее единственная семья – корпорация, где она работает. А значит, ее можно продвигать по служебной лестнице.

Способствуют этому и сильные расхождения во взглядах на брак мужчин и женщин. Если женщины, нацеленные на брак, стремятся выйти замуж по любви, то мужчины по-прежнему довольно часто склоняются к традиционным договорным бракам, когда все решают родители, а от молодых требуется только познакомиться и пожениться. Эта традиция постепенно уходит в прошлое, но довольно медленно. Так в 50#е годы договорными были 75 % браков, а в 90#е – около 17 %. Хотя, сказать по правде, не все так ужасно, как может показаться человеку, воспитанному в европейских традициях. Японцы настолько заняты на работе, что часто для них единственный способ познакомиться с хорошей девушкой – это дожидаться, пока ее найдут и приведут родители. Так что большинство договорных браков заключаются по взаимному согласию и оказываются вполне крепкими.

Куда более серьезная проблема чем традиции заключения брака, это традиции жизни в браке. Социолог Кумата, исследовавший этот вопрос, писал, что очень многие японские мужчины по-прежнему придерживаются традиционных взглядов на женщину, а попросту говоря, рассматривают жен как замену своим матерям и считают, что жена может быть только домохозяйкой.

Перечисленные Максимом Крыловым проблемы хорошо видят и в самой Японии. Видят там и то, что в условиях низкой рождаемости и нехватки кадров есть только два пути – либо увеличение числа трудовых мигрантов (чего в Японии изо всех сил пытаются избежать), либо комплекс мер по привлечению на работу женщин. Второй путь сложнее, поскольку для этого приходится ломать многие устоявшиеся традиции, но тем не менее власти на всех уровнях предпринимают активные шаги в эту сторону. Прежде всего экономические, ведь чтобы заставить женщин выйти на работу, в первую очередь надо сделать так, чтобы им было невыгодно сидеть дома. Для этого перекраиваются системы страхования, налогообложения и социальной помощи.

Но все равно дело движется не особо быстро. Во-первых, потому что разница в зарплатах между мужчинами и женщинами никуда не исчезла, а во-вторых, все-таки преодолеть вековые традиции довольно сложно. Конечно, теперь уже мало кто будет косо смотреть на молодую мать, вышедшую на работу через год после родов. Но все же большая часть работающих женщин – это по-прежнему так называемые «офисные леди», как именуют работающих девушек, получивших образование, но еще не вышедших замуж. По идущей с XIX века традиции, это лишь временный этап жизни перед замужеством, во время которого девушка зарабатывает на приданое и ищет жениха. Это приемлемый и даже уважаемый путь, если он ведет к главной цели женщины, а эта цель в традиционном представлении может быть только одна – стать «хорошей женой и умной матерью». Такое вот противоречие, с которым не так-то легко справиться.

Групповое воспитание и метод вразумления

Большинство этнокультурных и психологических особенностей японского обучения и воспитания своими корнями уходят в психологию японской крестьянской общины, основным занятием которой было выращивание риса, требующее максимального сотрудничества всех ее членов. В те времена для большинства японцев уживчивость и трудолюбие были важнее личной силы, ловкости и храбрости, ценившихся в тех странах, где большую роль играла охота.

Кодекс группового поведения в общине складывался веками и в первую очередь был призван обеспечить ее коллективное выживание. Поэтому главной целью воспитания детей было научить их уживаться с другими людьми. Сотрудничество, а не индивидуализм, стояло на первом месте, члены группы защищались и поддерживались всей группой, а следовательно самонадеянность и отстаивание своих притязаний рассматривались как неповиновение.

Подобный подход сильно отличается от западного типа воспитания, особенно от американского, уделяющего больше времени воспитанию индивидуальности, креативности и уверенности в своих силах. И хотя со временем он в чем-то менялся, его основные черты остаются доминирующими в Японии и по сей день. Из этого подхода вытекает и довольно своеобразная методика воспитания.

В книге «Япония. Как ее понять: очерки современной японской культуры» японская система воспитания маленьких детей характеризуется как «вразумляющая». Суть ее можно охарактеризовать просто:

Дети учатся, имитируя поведение родителей.

Что это значит?

1. Во-первых, при «вразумляющем» воспитании детям не объясняют устно, что и как надо делать, а показывают на практике и предлагают повторить.

Когда во время социологического исследования сравнивали воспитание в США и Японии, был проведен эксперимент: матерей из обеих стран попросили научить детей собирать пирамидку. Японские матери сначала собирали ее сами, показывая ребенку, что и куда ставить. Потом собирал сам ребенок, если он ошибался, то мать снова показывала, как правильно делать, и так до тех пор, пока ребенок самостоятельно и правильно не собирал требуемую пирамиду. Американские же матери сначала объясняли, почему каждый блок пирамиды должен стоять именно там, где стоит, закрепляя внимание ребенка на каждой операции, а уже потом предлагали ему самому выполнить требуемую задачу. То есть, японская мать показывала на практике и «дрессировала» ребенка, пока навык не закреплялся, а американская делала упор на теорию и позволяла ребенку самостоятельно реализовать ее на практике.

2. Вторая особенность «предметного вразумления» заключается в том, что детей не принуждают следовать правилам, а подводят их к этому исподволь.

Это как раз тесно связано все с той же самой знаменитой вседозволенностью до пятилетнего возраста. По устоявшейся традиции японки не обладают той властью над своими детьми, каковой обладают американки, европейки или русские. Европейское традиционное воспитание в этом вопросе достаточно прямолинейно: мама сказала, ребенок должен подчиняться. Если не подчиняется – это плохой, невоспитанный ребенок. Японки же обязаны изменять свое отношение к детям в зависимости от обстоятельств, чтобы избежать душевного отчуждения. Кроме того, они должны сохранить привязанность ребенка, эффективную для воспитания «натаскиванием», в ущерб последовательности в соблюдении дисциплины.

* * *

Японцы редко приучают своих детей к дисциплине посредством силовых или властных методов, матери редко прямо просят своих детей сделать что-то и не принуждают к выполнению, если ребенок сопротивляется. И даже потом, уже в детских садах, тоже в основном используются методы воспитания, направленные на развитие у детей самообладания и владение своими чувствами. Здесь и «ослабление контроля со стороны воспитателя» и «делегирующие полномочий по надзору за поведением». Дети делятся на маленькие группки, внутри которых выполняют различные задания. При этом они делают свою часть и следят, чтобы другие выполнили свою.

Европейцам и американцам кажется, что японские матери балуют своих детей, но на самом деле это вовсе не так, и позволение делать все, что ребенок захочет, это не баловство, а часть системы традиционного воспитания. Считается, что со временем детям становится трудно идти против желания матери, и они начинают считать недостойным для себя ее не слушаться.

Степанишина А. И. в статье «Воспитание детей в японском обществе» пишет: «Образ матери в Японии прежде всего связан в умах японцев с тем смыслом, который заключен в слове амаэ. Японскому слову амаэ трудно подыскать аналог в русском языке. Оно означает чувство зависимости от матери, переживаемое японскими детьми как нечто желательное. Глагол амаэру означает «воспользоваться чем-либо», «быть избалованным», «искать покровительства». Этими словами японцы выражают отношение к матери. Они положительно рассматривают стремление детей к родительской опеке (это стремление, по мнению большинства японцев, бережет ребенка от влияния плохой компании, употребления наркотических и психотропных средств), такую же оценку в их сознании получает и ответное действие родителей по отношению к детям».

Ну а окружающие при этом, как уже говорилось, вежливо самоустраиваются, не мешая ребенку самовоспитываться под влиянием его любви к матери. Со стороны это кажется несколько бредовым, но, как известно, на практике эта система отлично работает, японские дети действительно вырастают вежливыми и воспитанными.

* * *

Японцы никогда не повышают на детей голос, не читают им нотаций, не говоря уже о телесных наказаниях. Широко распространен метод, который можно назвать «угрозой отчуждения». Самым тяжелым моральным наказанием является отлучение от дома или противопоставление ребенка какой-то группе. «Если ты будешь так себя вести, все станут над тобой смеяться», – говорит мама непослушному сынишке. И для него это действительно страшно, так как японец не мыслит себя вне коллектива. Японское общество – это общество групп. «Найди группу, к которой бы ты принадлежал, – проповедует японская мораль. – Будь верен ей и полагайся на нее. В одиночку ты не найдешь своего места в жизни, затеряешься в ее хитросплетениях». Вот почему одиночество переживается японцами очень тяжело, и отлучение от дома воспринимается как настоящая катастрофа. Японка никогда не пытается утвердить свою власть над детьми, так как, по ее мнению, это ведет к отчуждению. Она не спорит с волей и желанием ребенка, а выражает свое недовольство косвенно: дает понять, что ее очень огорчает его недостойное поведение. При возникновении конфликтов, японские мамы стараются не отстраниться от детей, а, наоборот, усилить с ними эмоциональный контакт. Дети же, как правило, настолько боготворят своих матерей, что испытывают чувство вины и раскаяния, если доставляют им неприятности.

Татьяна Тимофеева, «Японское воспитание»

* * *

Здесь наверное следует сказать, что воспитательные приемы в Японии с одной стороны и Европе и США с другой обусловлены не только историческими традициями, но и разными целями. Хороший ребенок в глазах японцев – это совсем не то же самое, что хороший ребенок в глазах европейцев, американцев, да в общем-то, и русских. У нас и общество, и родители считают, что дети (в идеале) должны быть воспитанными и послушными, но в то же время каждый ребенок должен быть личностью, хорошо учиться и уметь отстаивать собственное мнение. Японцы же предпочитают придавать большое значение манерам, воспитанности и умению себя вести. Поэтому, в отличие от западного стандарта, воспитание маленьких детей в Японии в первую очередь направлено не на развитие творческих способностей человека, а на формирование в ребенке понятия о человеческом общежитии, ну и вообще на воспитание физически и психически здорового человека, умеющего работать в коллективе, четко выполняя то, что ему поручат, и не мешая окружающим.

Японские матери стараются чуть ли ни с младенчества воспитать у ребенка способность контролировать свои эмоции: сдержанность, послушание, вежливость и способность заботиться о себе самом. В обществе, ориентированном на групповое сознание, важно с пониманием, тактично относиться к окружающим, и японский стиль общения основывается на некоей разновидности умения «читать мысли». Поэтому и считается, что приказывать ребенку нельзя, он должен сам осознать, как надо себя вести. В воспитательных целях это используется таким образом: если, например, ребенок колотит ногами в дверь и повреждает ее, японская мать постарается исправить его поведение выражением типа: «Дверь заплачет от боли». Американка или европейка в этом случае скорее всего просто скажет: «Ты плохо себя ведешь. Нельзя так делать». Другими словами, японки вызывают к чувствам ребенка или даже ссылаются на «чувства» неодушевленных предметов, чтобы научить его правильно вести себя.

В Японии люди вообще приучены считаться с мнением и чувствами других, там это необходимая предпосылка для надлежащего поведения. Это воспитывается с раннего детства, а потом закрепляется в детском саду и школе. Именно так реализуется основная задача японской педагогики – воспитать человека, который умеет слаженно работать в коллективе.

Группа или коллектив вообще является основой социальной структуры в Японии. Поэтому при воспитании детей также активно поощряется любое их взаимодействие в группе. Причем как на формальном уровне, когда группа – это некое официальное объединение (например, школьный класс), так и на неформальном. То есть, в отличие от многих других стран, где родители все время боятся дурного влияния «улицы» и стремятся оградить своих чад от общения с другими детьми, за исключением прошедших строгий отбор, в Японии дружба детей и подростков со сверстниками из всех сил поощряется. Не так страшно, если некоторые из этих друзей-приятелей окажутся не слишком благополучными и воспитанными, зато это подготовит ребенка к взаимодействию с людьми во взрослых отношениях. Играя с другими детьми, он учится общаться в группе.

Но если группы приятелей складываются стихийно, то в детских садах и школах детей целенаправленно готовят уже не просто к общению со сверстниками, а к взаимодействию в любом коллективе, независимо от того, нравится он им или нет. Это задел на будущее, ведь когда японец придет на свою первую работу, он, в идеале, должен остаться на ней навсегда, а значит, сразу поладить с коллективом, каким бы тот ни был. Поэтому в школах есть целая система обучению работать в группе, школьников постоянно тасуют, переводят их

одной группы в другую, делят на пары, поручают разные совместные задания, добиваясь того, чтобы каждый мог найти общий язык с каждым.

С одной стороны это прекрасно, за японских детей можно только порадоваться, а с этой системы стоит брать пример, ведь во многих странах очень остро стоит проблема неумения общаться. Однако есть и оборотная сторона, о которой тоже не надо забывать. Осознание важности роли коллектива приводит к сильной психологической от него зависимости. Нам ли это не знать – в 90-е годы на все корки ругали советское воспитание за то, что оно делает людей «винтиками» и лишает собственного мнения, а героями считали «стиляг» и прочих неформалов, выделяющихся из толпы. Но ведь в Японии зависимость от коллектива ничуть не меньше, и тех, кто пытается выделиться, тоже очень не любят. Правда, в богатой капиталистической стране это принимает несколько иные формы. Так, например, очень большая часть рекламы в Японии адресована подросткам, потому что те настолько психологически зависят от мнения окружающих, что готовы из кожи вон вылезти, лишь бы быть не хуже других. То, что есть у одного подростка, обязательно должно быть и у всех его друзей, а если у кого-то не будет, тот будет чувствовать себя ущербным, недостойным своей группы, и получит серьезную моральную травму.

Ну и наконец, пока во всем мире правительства и владельцы корпораций ломают головы над тем, как бы добиться того, чтобы и у них люди работали так, как работают японцы, в самой Японии настроения куда менее радужные. Как уже говорилось, сильная сторона японского воспитания – это одновременно и его слабая сторона. Вся система образования Японии ориентирована на формирование и воспитание исполнителей, послушных функционеров. Перекос в сторону группового сознания приводит к неумению самостоятельно мыслить. Благодаря такому «групповому» подходу, из детей вырастают нерешительные взрослые, перекладывающие решение проблем на других и старательно избегающие личной ответственности. И это вполне естественно – ведь подобная система воспитания приводит к тому, что все установки у человека оказываются не внутренние, а внешние. То есть, не «я должен» и «я могу», а «общество считает, что я должен» и «общество укажет мне, что я могу».

«Более того, – пишет Татьяна Тимофеева, – идея соответствия единому стандарту настолько прочно укореняется в сознании детей, что, если кто-то из них и высказывает собственное мнение, он становится объектом насмешек или даже ненависти. Это явление сегодня особенно распространено в японских школах и получило название «идзимэ» (понятие, близкое нашей армейской «дедовщине»). Нестандартного ученика травят, часто избивают... Наблюдаются в Стране Восходящего Солнца и явления, которые свойственны в том числе России: растет инфантилизм подростков, возникает неприятие молодежью критики со стороны взрослых, проявляется агрессия по отношению к старшим, в том числе и к родителям».

Эта слабая сторона японского воспитания стала особенно заметна в последние десятилетия, когда стремительно развивающиеся технологии стали требовать большого числа специалистов с гибким мышлением, умеющих перестраиваться и легко воспринимать новшества. Во многих сферах науки и техники уже недостаточно быстро вводить в действие новые технологии, надо все время придумывать еще более новые, чтобы не отстать от конкурентов. И вдруг оказалось, что хваленые японские работники, которыми восторгаются предприниматели всего мира, не справляются с новыми требованиями. Потому что они отличные исполнители, но совершенно не умеют самостоятельно мыслить и тем более смотреть в будущее. Причем такая ситуация на всех уровнях, от простых рабочих до высокооплачиваемых специалистов.

Теперь Япония изо всех сил старается измениться, подгоняясь под запросы интернационального общества, японцы осознали необходимость развивать свои способности

к индивидуальному мышлению, чтобы стать более независимыми. Однако попытки просто копировать западную методику быстро провалились, поскольку чрезмерная независимость и индивидуализм также могут быть деструктивными, к тому же эти черты плохо усваиваются японцами. Сейчас в Японии пытаются создать такую систему воспитания подрастающего поколения, которая позволит детям развивать самостоятельность и иметь собственное мнение, но в то же время будет способствовать выработке корпоративного духа.

Общение с маленькими детьми

Еще одной удивляющей иностранцев особенностью «вразумляющей» системы воспитания можно назвать ее четкую привязку к возрастам. Казалось бы, раз дети должны учиться, глядя на родителей, надо вовлекать их в домашние дела, чтобы они побыстрее всему научились. Но нет, по японской традиции детей не учат взрослым делам. Детство не должно быть ничем омрачено, а значит главное занятие ребенка – игры. «Но ведь удобно и полезно делить домашнюю работу с детьми! – пишет София Малиновская. – Так поступают очень немногие. Один раз я была очень недовольна во время выезда на барбекю с семьей друзей. В моем детстве папа старался делать с нами, детьми, разные «дачные» дела, попутно рассказывал какие-то умные и полезные вещи и приучал нас к труду. Вот я и думала, что детям нужно демонстрировать разные стороны жизни и потихоньку обучать их разным навыкам. Разводить костер, мыть овощи, накрывать на стол. Но японцы накупили им чипсов, каких-то игрушек и отправили подальше от костра и продуктов – не детское это дело. Дети должны развлекаться и есть детские закуски».

* * *

Я там жил какое то время. Да, действительно, детей до 5 лет не наказывают. Их поведение просто не замечают. Наглядно выдел, стоят две молодые японки на улице, разговаривают. Сын одной из них, ну года 1,5–2 возится в ногах. Увидел лужицу, залез, ползал на коленях, потом плавал на животе. Мать, ноль внимания, болтает с подружкой. Договорили, она подходит к луже, двумя пальчиками за рюкзак вытаскивает чадю из воды, ставит на ноги. Из его рюкзака достает идеально чистую одежду и обувь. Все с него снимает, одевает сухое. Грязное в урну, и они чинно продолжают прогулку. Ни крика мамы, ни рева чада, все чинно и благородно. Кстати, такой чудо-рюкзак японенок таскает постоянно. Детское в Японии стоит просто копейки, дешевле выбросить и купить новое. Для семей с низким доходом, на самых верхних этажах торговых комплексов просто стоят корзины с детскими новыми вещами. Можно брать бесплатно. Но этим никто не злоупотребляет.

Из комментариев в Интернете

* * *

Такой подход связан с твердым убеждением японцев, что ребенок должен быть безоговорочно счастлив, потому что, по их мнению, состояние счастья у ребенка – это наиболее значимое условие развития таких важнейших в японском обществе навыков, как сотрудничество, умение идти на компромисс, а также честность и откровенность. Иностранцы к такому состоянию счастья, которое подразумевает отсутствие запретов для ребенка и одновременно запрет для взрослых на привлечение детей к какой-либо работе, обычно относятся скептически. Но тут надо не забывать о разнице в менталитетах и традициях, а также, как говорилось выше, о разных требованиях к результатам воспитания.

Правда, и в самой Японии далеко не все безоговорочно поддерживают этот традиционный подход. Знаменитый японский педагог-новатор Ибука Масару, о котором речь еще пойдет впереди, писал: «Когда я впервые занялся проблемой студенческих беспорядков, то глубоко задумался о значении образования и пытался понять, почему наша система порождает столько агрессивности и неудовлетворенности. Сначала мне казалось, что корни этой

агрессивности в системе университетского образования. Однако, углубляясь в проблему, я понял, что она характерна уже и для средней школы. Потом я изучил систему средней и младшей школы и в конце концов пришел к выводу, что и в детском саду влиять на ребенка уже поздно...

...Даже сегодня многие психологи и педагоги, особенно те, которые считаются «прогрессивными», полагают неправильным сознательное обучение маленького ребенка. Они считают, что избыток информации отрицательно сказывается на нервной системе ребенка, и более естественно предоставить его самому себе и разрешить делать все, что он хочет. Некоторые даже убеждены, что в этом возрасте ребенок – эгоист и делает все только для своего удовольствия. Поэтому родители во всем мире под влиянием таких идей сознательно следуют принципу «оставить в покое».

И те же самые родители, когда их дети идут в детский сад или школу, моментально отказываются от этого принципа и вдруг становятся строгими, пытаясь воспитать и чему-нибудь научить своих детей. Ни с того, ни с сего «ласковые» мамы превращаются в «грозных».

По мнению Ибука Масару, все должно быть иначе: не надо поощрять вседозволенность в раннем возрасте, а потом резко становиться строгим, лучше, наоборот, в первые годы жизни ребенка быть с ним и строгим и одновременно ласковым, а вот когда он станет постарше и начнет превращаться в самостоятельную личность, нужно учиться уважать его волю, его собственное «Я». То есть, родительское влияние должно прекратиться до детского сада, туда ребенок должен идти уже будучи пусть маленькой, но личностью. «Невмешательство в раннем возрасте, а затем давление на ребенка в более позднем может только погубить в нем талант и вызвать сопротивление».

Здесь надо сделать небольшое отступление. Из всего вышесказанного не стоит делать вывода, что японцы вообще никак не пытаются воспитывать детей до пяти лет. Еще как воспитывают, просто это не то, что принято называть воспитанием у нас, в Европе или США. С самого рождения ребенка японские родители методично начинают процесс вхождения его в национальную традиционную культуру и приобщения к принятым нормам, которые позволяют формировать у ребенка чувство сопричастности к традициям своей страны. Традиционные синтоистские и буддийские обряды сопровождают маленького японца с момента рождения и всю последующую жизнь, даже если сам он вырастет совершенно не религиозным. Это важная часть национальной культуры и общественной жизни.

«К числу подобных обрядов, – говорится в статье «Воспитание детей в японском обществе», – относится и такой, который совершается на седьмой день после рождения и называется сития – «седьмая ночь» или «Надзукэно иваи» – «праздник по случаю выбора имени ребенку». При выборе имени внимание обращается на значение и благозвучие иероглифов, которым оно записывается. Выбранное имя пишется на бумаге, которую помещают либо в изголовье кровати, либо отдают родственникам вместе с двумя моти – рисовыми лепешками красного и белого цветов. В некоторых районах страны в этот день новорожденного впервые выносят из дома, кое-где это делается позже».

По традиции ребенка впервые несут в храм через сто дней после рождения. А когда маленькому японцу исполняется год, перед ним раскладывают различные предметы (например, счеты, серп, кисточку для письма и т. п.) Считается, что по тому, какую вещь он возьмет первой, можно предсказать его будущее. Не то чтобы японцы поголовно верили в эту примету, но она, как и многое другое – часть культуры, поэтому продолжает пользоваться популярностью.

В Японии отмечают и немало детских праздников. Есть отдельный праздник девочек, а есть и отдельный праздник мальчиков, во время которого в воздух поднимают изображения разноцветных карпов. Это рыба, которая может долго плыть против течения, и ее изоб-

ражения символизируют путь будущего мужчины, способного преодолевать все жизненные трудности. Существуют и праздники по случаю достижения детьми трех, пяти и семи лет. «Именно в этот день на девочек, достигших 3#х и 7#летнего возраста, надевают кимоно (часто впервые), пышно украшают волосы. Мальчиков 3–5 лет одевают в монцуки – короткое верхнее кимоно с фамильным гербом, и хакама – часть японского официального костюма в виде широких шаровар. Дети вместе с родителями идут в храм, где совершается праздничное богослужение, с целью умиловить богов, для предоставления ими права на дальнейшее существование ребенка».

* * *

Я слышала много критики сюсюкающих моделей общения в России – употребление уменьшительно-ласкательных форм, новообразований типа «спаточки», дурацкие вопросы и интонации. Спешу одних обрадовать, а других огорчить: в Японии люди так разговаривают не только с детьми, но и друг с другом. Нейтрально-вежливый стиль общения с неблизкими людьми включает в себя замену обычных слов на «вежливые» (часто вежливые слова – это эквивалентные русским уменьшительно-ласкательные формы), использование «вежливой» грамматики, поддакивания, переспрашивания и усиленные кивания. Еще есть отдельная «детская речь» – немного исковерканные обычные слова. Натурализмы вроде «пошел покакать», «хочу писать», «пукнул» никого здесь не смущают, и взрослые реагируют на них с радостной улыбкой, зачастую употребляя их и сами.

София Малиновская

* * *

Что касается бытового общения с детьми, то и в этом вопросе японцы умудряются восхищать одних иностранцев и раздражать других. Чтобы было понятнее, в чем состоит особенность их стиля общения, имеет смысл процитировать Юлию Гиппенрейтер. В своей известной книге по воспитанию «Общаться с ребенком. Как?» она пишет об «активном слушании»: «Во всех случаях, когда ребенок расстроен, обижен, потерпел неудачу, когда ему больно, стыдно, страшно, когда с ним обошлись грубо или несправедливо и даже когда он очень устал, первое, что нужно сделать – это дать ему понять, что вы знаете о его переживании (или состоянии), «слышите» его. Для этого лучше всего сказать, что именно, по вашему впечатлению, чувствует сейчас ребенок. Желательно назвать «по имени» это его чувство или переживание. Повторю сказанное короче. Если у ребенка эмоциональная проблема, его надо активно выслушать. Активно слушать ребенка – значит «возвращать» ему в беседе то, что он вам поведал, при этом обозначив его чувство... Если вы беседуете с расстроенным или огорченным ребенком, не следует задавать ему вопросы. Желательно, чтобы ваши ответы звучали в утвердительной форме».

Нашим соотечественникам ее советы часто кажутся странными и вызывают возражения. Многие родители указывают на то, что подобное «активное слушание» неискреннее, показное и совсем не учитывает личных чувств слушателя. Но если нашим традициям подобный стиль общения противоречит, и родителям приходится сделать над собой усилие, чтобы «активно слушать» ребенка, кивать, поддакивать и повторять его слова, то для японца это как раз норма.

– Вот! Я картинку нарисовал! – говорит ребенок.

Как звучит нормальный ответ японского родителя, да и вообще практически любого взрослого?

– *Нарисовал картинку?! Ты показываешь мне картинку! Прекрасно! Молодец! Здорово! Ты нарисовал картинку?*

– *Да! Вот это лев.*

– *Леееев!? Здорово! Молодец! Как ты хорошо рисуешь!*

Иностранцам этот восторг кажется наигранным и автоматическим, не несущим никаких искренних чувств. Трудно сказать, насколько это справедливо – скорее всего, зависит от каждого конкретного случая. Но даже если сами японцы и могут различить, когда восхищение настоящее, а когда это просто дань вежливости, то чужакам этого никогда не понять. Отсюда и раздражение.

К тому же, дети, перенимая манеру общения от взрослых, быстро начинают реагировать на все точно также.

Даешь ребенку блинчик.

– *Вот тебе блинчик.*

– *О, блинчик?! Прекрасно! Молодец! Ты приготовила блинчик?*

– *Да.*

– *О, как вкусно выглядит! Здорово!*

С одной стороны – это плюс, ведь ребенок, как и предполагает метод вразумления, перенимает у взрослых именно ту манеру, в которой и принято общаться. То есть готовится к социализации в японском обществе, где нежелательно выделяться. С другой – есть и некоторая проблема, ведь привыкнув к таким автоматическим ответам, ребенок (а впоследствии и взрослый) нередко оказывается в тупике, если сталкивается с какой-то другой реакцией. Все та же проблема японской стандартизации и подавления индивидуальности, с которой сейчас пытаются бороться.

«Увидев ребенка, – пишет София Малиновская, – добродушно настроенные японцы, если они никуда не спешат, почти всегда скажут «кавайи» – «хорошенький» (наверное, это слово уже не надо комментировать – спасибо глобализации, манга и аниме). Другие слова при встрече с детьми употребляются редко. Хвалить тоже нужно всех одинаково, чтобы никого не удивить и не озадачить. В России принято блистать остроумием и проверять ораторский блеск собеседника, причем начинается это с пеленок. Здесь же есть вероятность, что кто-то «потеряет лицо»... поэтому предпочитают говорить одинаковое и отвечать одинаково.

После «кавайи» обычно следует вопрос – «ты ходишь в садик?» или «в каком ты классе?». Наверное, в любой стране это может быть спрошено у ребенка, но в Японии, когда ребенок ответит, его опять похвалят: «О, здорово! Молодец!»

* * *

Нужно сказать, что вообще слово «люди» (hito) применяется лишь по отношению к тем, кто не входит в данную семью. В Японии подчеркивается, что ребенок не может вести себя с другими людьми так, как он ведет себя дома. С семьей малыш может быть жадным и эгоистичным и это не будет чем-то неправильным, наоборот, такое поведение будет говорить о безусловном доверии ребенка, ведь с родными он такой, каким он хочет быть. Подобная позиция японских родителей видна в следующем интервью:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.